

город, окончательно заслужили свою пресловутую славу „крейсера революции“...»

Да не стреляла (у Вас «обстреливала») «Аврора» в Питер, кроме одного холостого хлопка в сторону Зимнего.

А дальше, простите меня, господин Л., писать не могу — тошнит. Закончу так: не гоже кусать материнские титьки, коли зубки прорезались.

Вы вот лучше напечатайте в своей газете стихи ветерана флота Г. Чернышева, попали они ко мне в 1981 году.

КРЕЙСЕРУ «АВРОРА»

Матросам не снилось в подвесках «Авроры»,
Что станут у власти тираны и воры,
Что произвол, фарисейство и страх
Станут основой в державных делах.
Верхушки воруют, трудяги несут,
Под кривдою правда, под кривдою суд.
Как крейсера, оснащенные урсами,
Слова и дела разошлись контркурсами.
Опутало Русь вожаков словоблудие,
И сникло твое носовое орудие.
И ты у причала, седая «Аврора», —
Свидетель развала, стыда и позора.
Россия, Россия, спаси тебя Бог;
В тенетах не видно надежных дорог.
Как киль да шпангоуты у корабля,
Иваны да Марьи — опора твоя.
Изъедены ржавчиной лживых годов
До отчужденья галерных рабов.
Опустошение и отчуждение —
Это распятие без воскресения.
Тускло ночами горят фонари.
В тяжком молчанье богини Зари.

Капитан-лейтенант Виктор Конецкий

В. КОНЕЦКИЙ — В. КУРБАТОВ¹

ПЕРЕПИСКА (1992—2001)

Псков. 14 декабря 1992

Дорогой Виктор Викторович!

Вроде и работаю много, и печатаюсь как следует, а все даже на телефон заработать не могу, чтобы спокойно поговорить с Вами, раз уж приехать никак не выходит. Я узнал о беде с Олегом (братом В. Конецкого. — Т. А.) от Б. Н. Сергуненкова, и ни ума большого, ни сердца не надо было, чтобы представить, как эта смерть отразилась на Вас. Я звонил, мы говорили с Таней. Всякое слово в таких случаях поверхностно и не попадет. Тревожусь более всего, чтобы Вы не сдали. И не сдались.

Безумие мира как будто нарочно подталкивает нас к такой сдаче, нагло и настойчиво подчеркивая нашу ненужность: «Все, ребята, пора к стенке и в переплавку». А наш брат и так всегда готов в сторону отойти, даже еще и до прямой обиды, чтобы мундира не марать и с хищной нечистотой не связываться. Да и сколько из нас уже махнуло рукой: «Нате, сволочи, торжествуйте!»

¹ Письма Валентина Курбатова, адресованные Виктору Конецкому, хранятся в рукописном отделе Пушкинского Дома.

Валентин Яковлевич Курбатов (р. 1939) — писатель, литературный критик, автор книг «Александр Агин» (1979), «Валентин Распутин» (1992), «Крест бесконечный». В. Астафьев — В. Курбатов: Письма из глубины России (2001) и др.

Но, слава Богу, еще не все. Виктор-то Петрович (Астафьев. — Т. А.), как я теперь вижу, именно потому пера и не выпускает, что понимает — стоит на минуту расслабиться — тотчас сожрут. Народец подрос крепкий и в жизни, и в литературе. Там уж и недавние крепкие Т. Толстые и В. Пьецухи скоро оказались подвинуты в отжившую старомодность.

Теперь как поглядишь какого-нибудь Милославского, или младшего Алешковского, или соискателей премии Букера, скоро станет видно, что привычная нам матушка-литература, которую мы считали совестью и законом, — только провинциальная дура, с которой уж и знакомство скоро будет числиться порочащим.

Явилось новое поколение, новый словарь, новая культура, в которой нам, кажется, нет места.

Но я так глядел и эдак и вижу, что-то рано нас вперед ногами выносить. Мы, может, ребята и неброские и на европейский взгляд пресноватые, но кое-что за душой и у нас собралось, и мы еще их, пряных и острых, потом будем от собственных их гастритов исцелять. Сами еще будут оборачиваться, пытаюсь понять, что же это в нас было такое, что так трудно разом извести. И тут спасибо и поклон и почившему Казакову, и покойному Платоновичу (Некрасову), и Вам, и Виктору Петровичу, что закваска была хороша и долгодействующа.

Нет, уж вы, Виктор Викторович, с «моста» на берег не торопитесь. Ну устали, ну край подошел, но первый, что ли, раз? Хрен с ним, со временем, пусть оно несется — мы-то знаем, что времени нет, — и мы еще соберемся и еще поглядим, у кого перо в руках тверже — у этих ли нынешних баловней и пенкоснимателей или у умеющих идти вперед, не заискивая перед временем.

С Новым годом Вас, Виктор Викторович!

Поклон и поздравления Тане.

Ваш В. Курбатов

Дорогой Валя!

Вот оно и пришло, старое пророчество: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет...»

Следом за Олегом через две недели умерла его жена Ирина. А ты, верно, знаешь, что теперь означают похороны. Да на сердце еще тяжело, потому что жили мы с ним плохо и я даже ни разу не был у него дома... Отпевали дважды — во Владимирском соборе и еще приезжал с Псковщины (из Терebene) его духовник, отпел Олега на кладбище. Поп замечательный, ругал меня за пьянство, потом обнялись мы с ним и трижды расцеловались.

Насчет литературных рассуждений твоих я не все понял, тем более что вовсе перестал читать прозу.

Обещает мне какое-то издательство напечатать книжку, включив сценарий «Полосатого рейса». Что за каша получится, пока представить не могу¹. Пока договора нет и все жидко выглядит. Деньги посулили большие.

Скучаю по тебе, и Таня скучает.

Да, чуть не забыл — были здесь у меня телевизионщики (Правдюк), и их режиссеру Галине я демонстрировал твою акварель, она... очень удивилась, что ты тоже иногда занимаешься мазней, хотя знакома с тобой давно. Приятно было.

С наступающим тебя Рождеством и Новым годом. Этот год для меня был самым тяжелым за жизнь...

Обнимаю тебя, а Таня даже целует.

Твой Виктор Конецкий

18.12.92

Псков. 10 января 1994

Дорогой Виктор Викторович!

Памятуя о выговоре за дикий почерк, прибегаю к школьной каллиграфии, почти уже тщетно стараюсь

¹ Книга «Полосатый рейс» вышла в издательстве «Северо-Запад» в 1994 году.

вспомнить уроки чистописания, в которых Вы, вероятно, отличались больше меня, потому что Ваши крупные буквы ясны, наклон безупречен, строка ровна, так что и не будучи классным графологом можно вычитать в почерке хорошего моряка с долгим стажем. Ну а я, как ни притворяйся аккуратистом, непременно выдам все свое безволие, наклонности мечтателя и полное неумение врезать ближнему по сопатке, как этот ближний часто того заслуживает. Вот отчего я обыкновенно выкидываю свои рукописи тотчас после перевода их на машинку. И Нагибин, когда оправдывался перед Вами, что не хочет оскорблять Вас своим почерком, на самом деле только прятал свою суетливую, избегавшуюся душу, которая очень отчетлива в его скрытном, уклончивом, тесном в ширинке почерке. Многим из нас лучше бы почерк-то свой миру не показывать — глядишь, прослыли бы за крепких парней с устойчивым и ясным мировоззрением.

А вообще я давно заметил, что почерка людей прошлого века (как бы ни были различны кругом образования и воспитания пишущие) нравственно опрятнее наших. И почти всегда можно издалека (еще не видя еров и ятей) узнать руку человека XIX века. Именно по духовному порядку страницы можно узнать. Разве что Достоевский покажется совершенно нынешним (да он таким и был — «опечаткой времени»), да почерк Толстого никуда не приспособишь (вроде путанки вокруг лагерей строгого режима) — тоже потому, что висел между столетиями и не знал, где главу подклонить.

А я перед Рождеством съездил в Новгород, хоть на чистую зиму поглядел. Волхов не замерзает — туман висит над стрежнем, и каждая ветка городских деревьев от этого в куржаке. Наглядеться нельзя — и холодно, и с улицы не уйдешь и все кружишь, кружишь, особенно по тихим полутора-двухэтажным мещанским кварталам Ярославовой стороны. А находишься — выйдешь к Кремлю, София тускло мерцает золотом, часовня сахарно блестит,

Кремль багрово мглился в морозной седине. Не уйти, пока ноги не окоченеют.

А внутри-то Софии — что за чудо! Я уж вон сколько храмов перевидал, а нигде не чувствовал себя так празднично, так торжественно, так уютно, сразу и в матушке-истории с всею грозной мистикой тысячелетия, и в покое уединенной присмирившей души. Вот переехали бы Вы в Любань, мы бы каждый день в Новгород ездили.

Скоро уже Крещение. Светлого Вам праздника, морозца, чистых снегов, покоя.

Тане поздравление и поклон.

Ваш В. Курбатов

Псков. 23 марта 1994

Ваше Превосходительство,
дорогой Виктор Викторович!

Что, право, за несчастье — полгода собираюсь в Петербург и никак не соберусь. И дела уж заманивают, и какие-то «сюрпризы» с оказией из басурманских стран, а я все как пришитый. И не заботы держат, хотя я и притворяюсь очень занятым, а, кажется, как ни грустно признаваться, разом навалившаяся старость и лень. Так что, если бы р-раз — и сразу оказаться в Питере, Красноярске, Париже, я бы с охотой, и там хоть полдня на трамвае добираться согласен, но вот ехать на вокзал, брать билет, тащиться на поезд, отказываться от предлагаемой соседом бессмертной русской курицы — это уже выше моих сил. Так что вот опять сажусь за стол, беру бумагу и отправляюсь к Вам дедовским способом, вылезая из громкого лифта, звоню...

— Ну, здравствуйте!

Новостей у меня из-за неподвижности никаких, кроме той, что Виктор Петрович отписал мне письмецо, в котором грозно спросил: сколько я «со своим Распутиным»

буду потакать фашистам и коммунистам. Я так и эдак вертел письмо, не понимая — ко мне ли? Пока не смекнул, что это он таким околичным способом Распутину свое зло хочет выговорить, а поскольку сам с ним никаких отношений не поддерживает, так решил хоть через меня завернуть — авось я аккуратно донесу Валентину все запятые и двоеточия Виктор-Петровичевых укоризн. А я не буду, потому что В. Г., слава Богу, отстал от политики, сидит у себя на Ангаре и пытается писать. Да и я уж давненько не печатался ни в «Лит. России», ни в иных нелюбезных В. П. местах, а докатился до «Общей газеты» Егора Яковлева и «Юности», так что уж теперь меня на порог «Лит. России»-то, пожалуй, и не пустят.

Очень мне любопытно, каков будет нынешний 70-летний юбилей В. П., приходящийся на Пасху. Посмотрел вот карточку, снятую в его 60-летие, — там и Распутин рядом, и Крупин, которых он теперь ненавидит, а у ног сидит Олег Пащенко — издатель самой фашистской (по терминологии В. П.) газеты в стране, которая рвет В. П. в клочки и даже аттестовала устами еще одного дружка В. П. с той же фотографии, Толи Буйлова, «политическим говном в проруби». Значит, нынче соберутся вокруг другие народы и государства.

Ах, жизнь, жизнь — до чего скучна, матушка! Вот и встречай тут спокойную старость, вот и посиди патриархом среди молодой поросли. Один собачий лай во все стороны.

Вы-то как живете, Виктор Викторович? Я питерской-то прессы совсем не вижу и никак не представляю тамошних страстей (а ведь, поди, тоже не без страстей?).

Здоровы ли Вы? Сейчас самое спокойное диктовать Тане потихоньку мемуары о юности, о писательских друзьях, об одиночестве, о скуке мира...

Обнимаю Вас и очень скучаю.

Тане поклон!

Ваш Валентин Курбатов

Дорогой и любимый партайгеноссе, фашист и товарищ коммунист!

Моя жена Татьяна баба, как и все русские бабы, дама въедливая и злобная. Я помню, дорогой Валя, как после первого Вашего у нас ночевания, эта язва спросила у меня: «А какое у него отчество?» И, услышав «Яковлевич», надолго задумалась...

После Вашего последнего письма, утречком, делая художественную зарядку, вдруг брякнула вовсе не к месту: «А почему его с таким отчеством „Литературная Россия“ раньше печатала? И только после возникновения Курбатова у Егора (Яковлева. — Т. А.) перестанет пускать его на порог?»

Тут и я задумался. Но правда, о Вашей фамилии. Хотя университетов не кончал, как и Астафьев, но не от Курбат-Баши ли свой род ведете? Представил Вас не в православной рясе, а муэдзином, который орет с каланчи-мечети, созывая правоверных татаромонголов на молитву. И знаете, дорогой Валя, очень хорошо Вы туда вписываетесь!

Да, еще днями угодил я в тяжбу с одним издательством, которое мне год назад аккордно заплатило за 33 а. л. 135 тыс. рублей. И с концами, без всякой индексации...

О Распутине. Люблю я этого прозаика! С первого его литературного писка люблю! Радуюсь, конечно, что он политику бросил и засел опять писать про очередные наши российские пожары. Только вот жаль, что он за Байкал бороться перестал. Случаем, не знаете, может быть, в новой России Байкал уже очистился?..

О старости опять вы правы. Беспокойная она нынче получается. Молодая поросль норовит патриархов за жопу, за жопу, за жопу. Все по Рахманову. Я лично давно чувствую себя профессором Полежаевым. Вы пишете — «один собачий лай во все стороны» и одновременно интересуетесь нашими ленинградскими делами. Из новостей. Лай у нас тоже во все стороны, только не собачий,

натурально-провинциальный, а собачий. Однако подвижки есть. Живу я уже не на улице Ленина, а — Широкой, дореволюционное название. Улица, правда, узкая, и денег на смену вывесок нет, потому на почте, транспорте бардак полный. Все бабули из троллейбуса вылезают (после объявления водителя): одна — на улице Широкой, другая — на улице Владимира Ильича. Ни одному покойнику за всю историю человечества так ужасно не пришлось, как вождю мирового пролетариата...

А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!

Любим Вас с Таней навсегда и нежно. Картинка Ваша висит у Тани над койкой и ждет встречи со своим творцом.

Ваши заклятые друзья.

Виктор. Таня

31.03.94

Псков. 10 апреля 1994

Дорогой Виктор Викторович!

Спасибо за весточку, за ироническую твердость тона, за узнаваемую интонацию как в недобрые, но такие родные старые времена. Дал бы Бог Вам удержать эту интонацию, и, глядишь, разгонитесь и не уйдете из-за стола. Последнее-то плавание так и не написано, а из сегодняшней дали, из всех с той поры происшедших перемен все увидится так неожиданно, так по-новому, так не по-вашему, с такой переменой качества Вашей прозы, что я бы из одного любопытства сел бы и вспомнил тот последний рейс и попрощался бы в нем с морем, с прежними книгами, со всеми дорогими заблуждениями прежних лет, с иллюзиями и друзьями. Я сделал бы этот последний рейс основой самой дорогой книги, которая собрала бы и мемуары, и публицистику, и всю прозу гнева, и всю насмеш-

ку над собой и миром, и все слезы, и всю любовь. Может, этот последний поход потому и не писался так долго, чтобы теперь построить себе в кильватер всю череду минувших походов и лет. А я бы постарался сохранить рассудок, не спятить, не сдохнуть от стыда и тоски, чтобы только прочесть эту книгу и сочинить про нее свою лучшую, любящую и печальную рецензию и в ней тоже попрощаться с тем, что было русской литературой, русской морской репутацией, дружбой и верой, проститься с веком, от которого мы отхватили такой солидный ломоть.

Сижу думаю, что написать Виктору Петровичу. А то еще TV грозитя приехать (В. П. просил, чтобы о нем сказали Е. И. Носов, В. Быков и я; сам попросил у этих спросить. Зная, как резко в последнее время отзывался о нем Носов и помня мою досаду, очевидно, хочет посмотреть, как мы будем крутиться в этой ситуации). А я в газете-то «Общей» и в журнале «Лепта» одно писал (и когда это еще выйdet, и выйdet ли?), а тут все-таки хочу любовь выговорить, не скрывая печали расхождения, потому что того счастья, которое было, уже не отменить. Я знавал в Сибири часы дорогие, и эту Сибирь подарил мне он, как и многих друзей, и новый взгляд на многое. Одним словом, буду думать.

Каковы Ваши новые зубы? Годятся ли ухватиться за жизнь? Дай-то Бог!

А мне уж, видно, до Питера не доехать — теперь билет до Вас в одну сторону 10 тыс. при 2.400 за постель. При моей-то «зарплате» — задумаешься.

Поклон Тане.

Ваш В. Курбатов

Глубокоуважаемый г-н Курбатов!

Намедни увидел в похабном, бульварном журнальчике Вашу, пардон (в переводе с французского — «прости-

те»), псковскую морду. И стало у меня на душе богохульно и безбожно: будто взглянул я прямо в лик подколотой змеи, а она, падла, мне в харю свой раздвоенный язык. Ясное дело, вздрогнул и мурашки по телу. А у Татьяны аллергическая сыпь высыпала в самых непотребных местах.

Прошлой недели конца видали мы... Ваш небесной кротости лик по 3-му каналу ТВ, где Вы возлежали в развратной позе на левом боку посреди лужайки и давали интервью...

Чего это Вы так распоясались? Деньги зарабатывать нашему брату, конечно, ничем, окромя пера, не получится. Пардон, это только меня, старика, касается. А Вы, мой юный друг, пошли бы на грузовую товарную да разгрузили бы пару вагонов брюквы: авось и на звонок ко мне денег бы заработали.

Дорогой Валя, я вынужден обратиться на небеса к академику Крачковскому, дабы он расшифровал мне, вернее, Тане Ваши вовсе уже невыносимые каракули. Мне даже Вашу печатную статью больше одной страницы в неделю не осилить и не осмыслить: Ваши мысли безнадежно запутываются в моих мозговых извилинах, а на выходе из черепа улетают сразу в космос.

Засим нежно любящий Вас и Ваш паршивый городишко дядя Витя

1995

Псков. 16 марта 1997

Дорогой Виктор Викторович!

Поди, за компьютером с утра до вечера и уж как и ручку держать забыли? Искушают Вас «комсомольцы», в виртуальность норовят записать¹. Им только во-

¹ Компьютер, появившийся в доме В. Конецкого, — подарок «Комсомольской правды».

лю дай, они всех нас туда затолкают. Ну, я уж не знаю, как Вы, а я пока не дамся. Нарочно чернильницу заведу и последних русских гусей на перья пойду щипать, чтобы родного писаного слова не забыть. Это уж я сколько народу из своих товарищей перевидал, кто пропал за компьютером, — не столько пишут, сколько играют, бедняги, — кто в карты, кто в шахматы, а кто и в совершенные пустяки, благо этот механический паренёк на все руки горазд. На старость лет оно, может, и ничего — паянсы раскладывать, но это ведь на старость, а мы-то какое отношение к этому слову имеем? Правда, уж настоящего-то полета нет. Я вон в Петербург полгода собираюсь и собраться не могу: то денег нет, то нет денег. Да, кажется, уже и сил. Видно, от долгой зимы, от холодов, от отсутствия солнца. А уж вот, Бог даст, весна разгуляется, ну уж тогда меня не удержишь — тогда можно и под вагонами добраться, как в рифмованное с нашим время беспризорники катили на юг посмотреть, действительно ли там все ходят в белых штанах и шапка дешевле.

В мае грозитя приехать в Петербург Виктор Петрович. Немцы дают ему в Москве Пушкинскую премию, и он «за одним» надеется доехать до Питера — тамошних своих друзей навестить — и, поди, и у Вас дверь ломать начнет. Зовет и меня, но я, кажется, в это время, если не случится светопреставления, буду плыть по Волге до Нижнего — там собираются показывать разные православные кина, а я снял сочинение «Монастыри: будни и праздники» о Печорах, и его взяли на фестиваль таких кин.

Мне-то оно и ни к чему, тем более что и народ будет не шибко приятный, но съемочная группа просит поехать, надеясь, что если я привезу хоть почетную грамоту, то им дадут на студии за эту работу какие-то деньги. Народ все бедный, работает из любви к делу, но дома таких художников понимают мало и требуют унижающих

«художника» доходов — вот они меня и гонят. А и сумею отвертеться, так все равно, похоже, окажусь не в Питере, а в Оренбурге, куда зовут давно, где я никогда не был и куда на свои деньги вовеки не доеду.

А до Вас все равно доеду — дал бы только Бог тепла. Стал что-то скучать, чаще положенного брюзжать на «партию и правительство», перестал понимать героические планы своей администрации, затевающей поставить конный памятник Николаю II, при том что в городе мирно живут два Ленина — большой на площади и пони у Дома советов. Я уж ходил к губернатору и предупреждал, что Ленин — парень боевитый и у него еще хватит сил «взять на калган» конного императора, так что, может, ему лучше попробовать Ленина хоть одного снять, а уж там и о Николае думать. Куда там! — коммунистов боится. А душа просит империи и монархии. Такая вот каша в голове у наших начальствующих ребят. Да только ли у наших?

Эхма!

Поклон постнице Тане! Поди, замучила кислой капустой и горохом?

Обнимаю.

Ваш В. Курбатов

Я Вас, Валя, определил моджахедом, который давно уже, прикрываясь православием, пропускает сквозь свои костлявые жадные пальцы тысячи всякой разной ракетной и другой бронетехники, наживая под покровом рысы миллиарды. Намедни до меня дошло, что Вы даже в Москве в «Президент-отеле» вместе с нехристями финнами (моя мама вечно называла ихних молочниц чухонками, что не только не соответствует истине, но и является глубоким оскорблением как для финнов, так и для карел) этим занимались.

Как Вы понимаете, я уже принял свои 200. Иначе бы Вы ждали ответа на свое абсолютно бездарное письмо еще многие лета...

Можете верить или нет, но за компьютер я ни разу не сядил.

Пожалейте гусей! Не заводите чернильниц — не может ни Вам, ни нашей великой церкви.

Дорогой Валя, моя привычка к трепу и те миллиграммы водки, которые я, нарушая все каноны Великого поста, сейчас пью, закусив мясными котлетами, — вот это факт...

Не обращайтесь внимания на многоточия, ибо без них сегодня, как и всегда, никакой разговор состояться не может.

Плевать мне на то, явит ли свой лик питерскому пролетариату и нашей вдохновенной интеллигенции Виктор Петрович, так вот, еще раз повторю, — плевать мне на немецкие-пушкинские премии. И рожу его я совсем без больших восторгов увижу даже в том случае, если он взломает дверь в мою квартиру.

Самое тяжкое — утренняя тоска и разлад между тем, что хотелось бы, ан... не стоит.

Вам будет любопытно узнать, что о нашей с Вами последней встрече я узнал только из рассказа Тани. Знать не знаю, чего или сколько я вылакал, но не помню даже намека на наше общение.

Переиздаю сейчас сборник, в который вошли рассказы, которые не издавал 40 лет. Позор. Но в результате обещают деньги. Ночами вычитываю верстку и думаю, что ниже пасть уже некуда.

И все-таки, Валя, не забывайте, что Вы — матрос. А это звание на Руси второе после солдата.

Остальное, если захочет, на моем компьютере допишет Таня.

Нежно обнимаю Вас и очень жду встречи.

Всегда Ваш, питерский интеллигент Виктор Конецкий

22.03.97

Апрель, 1997

Виктор Викторович!

Ну вот, говорите, за компьютер не садитесь, а вон какое боевое письмо написали еще и при 200-х внутри, а каково было бы — прими Вы 300! Нет, господа комсомольцы верно умеют вычислить нашего брата, зная, что, когда уже все постыло, деревенское любопытство к басурманской технике победит. Глядишь, машина Вас еще не к одним письмам побудит, а и рой сюжетов выкликнет, позалежавшихся по дальним углам и готовых ухватиться за первое нечаянное слово. Мы ведь не пишем, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон» и Богу малозанимательны, а сели за стол хоть через силу, пошли толкать воз, глядишь, скоро уж и Микола-угодник рядом и уж пособляет, и вот уже пошли у нас вырывать слова и воспоминания, которые мы в себе давим, — давно позабыли и вот уж и толкают, не надо и пальцем тянуться к перу и бумаге...

Правда, это куда как нечасто. У меня чего-то вот редко тянутся, хотя я исправно стараюсь понуждать себя к сидению за столом, — неловко перед своим женским словием, надо бы тоже какую копейку в дом нести. Искушают тут всяким телевидением и радио, болтовней там и тут, но ведь это иллюзия дела и пустое расходование сил. Муза — барышня тонкая и от телевидения бегаёт сломя голову, поджидая нас в более удобных местах.

А в Москве все не могут получить разрешение на открытие мемориальной доски Ю. П. Казакову — говорят, не москвич...

Эхма!

Поклон Тане.

Ваш В. Курбатов

Псков. 7 мая 1997

Дорогой Виктор Викторович!

Простите за невольный обман. Ксерокс я сделал, но он так абиссински — черен, что прочитать его смогут

только в Африке. Посему с благодарностью возвращаю оригинал — из всего написанного о Белле в эти дни самый человечески-родной, отчего бесчеловечные молодцы иных редакций и уклонились от печатания — забыли язык¹.

Простите, что задержал. Через два дня по возвращении от Вас было уже не до Беллы. У мамы сделался удар — паралич правой стороны, потеря сознания. Отрезало на полуслове, и я уже не мог более дозваться, досказать недосказанное за жизнь, послушаться, наглядеться. Через неделю бессознательных хрипов и задыханий она отошла у меня на руках в начале Пасхи, в свой день ангела, что бывает редко, как чудо, но что мало утешило меня, потому что коли был какой малый свет и дар во мне, он был от нее. Теперь все это будет затягиваться долго.

Книгу Вашу тоже успел прочесть до ее болезни («Кляксы на старых промокашках». — Т. А.) и опять был молод и торопился толкнуть немногих друзей — послушайте! — и душил их целыми страницами в радость и одобрение и им, дуракам.

Спасибо, Виктор Викторович! Поклон Тане.

Обнимаю Вас.

Ваш Валентин

Псков. 5 сентября 1997

Дорогой Виктор Викторович!

Никак мои пути не пролягут через Петербург, чтобы посидеть у Вас на завалинке под нежную музыку Ваших материальных комментариев политической и литературной жизни. Сам домоседствую поневоле — «стукну по карману — не слышать, стукну по другому — не звенит».

¹ Конецкий В. Хорошо, что это было: О Б. Ахмадулиной // Смена. 1997. 10 апреля.

А уж вон через две недели 60 лет — славы нет, так Бог с ней: «что слава — яркая заплатка на ветхом рубище певца», — хуже, что рубище-то уже без метафоры ветхо, а его не только яркой, а и бедной заплатой не прикроешь. Перелистал свои бумажки, которые строчил без устали, как Акакий Акакиевич, — скука смертная, «делопроизводство», «входящие и исходящие», закрыл и плюнул. Пора на берег. Уж и в каботаже не гожусь.

А жизнь раскинулась кругом, слово разыгралось, как плотва перед закатом. Только все уже чужое, не про меня писанное. Даже и восхищаюсь, а как-то будто не самым сердцем, а чем-то более прозаичным. Вообще, кажется, не оказалось у меня того органа, которым воспринимается нынешняя щегольская, умная, изобретательная европейская словесность. Как уж воспитался на проповеди — сначала советской, потом религиозной (или наоборот), так уж играть-то и скучно. Умом-то разумеешь, что все нынче умнее тебя, а боли от этого нет и зависти нет, а только скука. Значит, скоро уж «по местам стоять, на бочку становиться» («на бочку» оно как-то скучнее, чем на якорь). Или наоборот: «по местам стоять — с бочки (с бочки! — какой уж якорь) сниматься!» Харон уже приглядывается к мостику, чтобы перекатить тебя через свою неширокую речку. А не хочется — страсть! Скучно-то, скучно, но как Р. Браунинг говорил, растоскуешься — свет не мил, а тут тебе великолепный закат или финальный хор из «Электры», и опять все свет и полет. И даже, кажется, надежда, хотя давно бы уж пора позабыть значение этого молодого слова.

Впрочем, чего это я. Вон Виктор Петрович после инфаркта (второго!) катит себе в теплоходе (почему-то думаю, что именно в, а не на, потому что с его легкими сырость-то прямая гибель) по Енисею в Игарку. И Бог даст, еще привезет оттуда лучшую свою книгу.

Кураев зовет в середине октября на какое-то пен-клубовское сидение «Петербургский стиль», но тоже ведь на

свой счет зовет, а где он, этот счет... Но пока все думаю: а вдруг...

Очень скучаю по Вам.

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов

Псков. 16 января 1999

Дорогой Виктор Викторович!

Нет, видно, наша жизнь в Овсянке была очень мрачна в те дни — дневник об этих событиях почти молчит¹.

Только помню, что Вы приехали ночью в первых числах октября. Как, помнится, Вас мчал таксист и на все Ваши попытки «отовариться» тотчас, утешал, что у Астафьева есть (в этом смысле народ его знает, а если и не знает, то по вековой неприязни к писателям уверен, что у них, конечно, все есть, чего в этот час особенно не хватает русскому человеку). Косвенное свидетельство «сухого закона» — запись у меня за 6 октября. Ходили мы с Виктором Петровичем в соседний посёлок энергетиков, и В. П. ворчал:

— В Дом культуры никто не ходит. Разве пацаны пообжиматься на дискотеке. Мой «Перевал» тут больше старухи смотрели и тыкали пальцем, узнавая родные места. А молодым на это наплевать. Че же они делают целые вечера? Раньше хоть водку пили. А теперь?

Ночью Вы пинали ворота, не видя звонка, и нетерпеливо матерились, что «ща — Петрович достанет», и весело попинывали роскошный чемодан. Петрович, как честный человек, сразу сказал, что нет — даже до избы не подождал, — бить так сразу. Ну уж тут чемодану досталось по полной.

Спали мы с Вами в его горнице — Вы на диване, я на раскладушке, но ночи не было, потому что Вы бегали в сортир и звали меня поглядеть на красоту созвездий над

¹ В. Конецкий попросил В. Курбатова вспомнить обстоятельства своего приезда в Овсянку к В. П. Астафьеву после последнего рейса в Арктику в 1986 году.

Енисеем. Я был деликатен, понимал — мучается человек. Шел смотреть. Несколько раз за остаток ночи.

На следующий день едем за обратным билетом — хватит, нажился. Долго голосуем — все мимо. Некорыстный народ в Дивногорске. Автобусом доезжаем до Слизнева и там ждем электричку, на которой и катим до станции Енисей. Красота кругом! Лиственницы горят, как наша береза, — светлее, жарче, яснее. Не до них. На станции нас ждет мой товарищ — теперь секретарь тамошних писателей Сергей Задереев. Мы кидаемся с ним в роддом к Олегу Корабельникову (дежурный врач и писатель). Однако нам и там не обламывается. Он отправляет нас к своему товарищу Сергею Мамзину — поэту, и тот (из того же, конечно, роддома) тащит нам бутылку спирта. Потом еще заворачиваем к прозаику Борису Наконечному, и тот — добрая душа — отваливает нам бутылку коньяку. Надо учесть величие этих жертв в то время.

Чуть не забыл, что метались мы уже без особенного гнева, потому что в кассе «Аэрофлота», куда мы заехали сразу, кассирша узнала Вас до того, как Вы подали ей паспорт.

— Вы Виктор Викторович Конецкий? — И от смятения даже не смогла объяснить, как узнала. Вы на меня орлом — учись, салага, как надо писать, — девушки от Сахалина до Мурманска должны видеть вас во сне и узнавать сердцем.

А дальше уже было «неинтересно»: Вы вспоминали рейс, материли хозрасчет (где они теперь возьмут тех молодцев, которые будут поддерживать в Арктике фрахтовые связи и которые должны быть евреееее всех евреев?), посмеивались над вновь переименованным в «Россию» «Брежневым» и над тем, как ребята с особенной злостью орали с борта: «Ильич, возьми на усы!»

Говорили (смутно помню — уж «принимать» начали) об аварии на какой-то подводной лодке, о пожаре в четвертом отсеке, о том, что командиры имели приказ на затопление. Но тут обошлось. И завтра Задереев сказал, что слышал

по радио: экипаж спасли, а лодку — не удалось (3 октября 1986 г. в Саргассовом море на АПК «К-219» погибли четыре человека, лодка затонула 6 октября. — Т. А.).

Потом пришла тетка Анна Константиновна (вдова Кольчи-младшего из «Последнего поклона» с собачонком Тишкой), и В. П. пел с нею, и чудно пел старые «бабушкины» песни. Мне бы, дураку, слова записать, так нет. Но что пели до слез хорошо — у них все поют. Глаза оба прикроют, и пошло-о! И песни не для барышень, не наши советские — не подпоешь. Из наших-то одну и любили, и В. П. всегда объявлял ее: «Композитор Будашкин „Ой, тайга, тайга“» — и вперед, тут не до куплетов.

Назавтра утром Вы улетели, поклявшись никогда не пить и бросить угрюмую морскую публицистику для румяной паустовской прозы.

Ф-фсе!

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов

Псков. 21 февраля 2000

(Никак еще не выучусь писать эти 2000 — разлетающаяся за предшествующее тысячелетие рука торопится выставить единицу.)

Дорогой Виктор Викторович!

Каково Вам выздоравливается? Больные, они народ скучный и скорее врачей побуждают нас оставлять больницы. Хотя я пока заключаю это из чужого опыта и опыта посещений.

Перешел в пенсионное сословие и вот с недоумением разглядываю пенсионное удостоверение — как? Когда пролетела беспечная юность (а у Гоголя еще мучительнее: «О моя юность! о моя свежесть!» — нашел словечко — как раз для нас, военных детей), где мощная зрелость, где, наконец, светлая усталость и удовлетворение

от всех трудов, после которых можно с легким сердцем и на завалинку? А ничего и не было — ни юности, ни зрелости, ни усталости, — были тараканьи бега суетной жизни. И вот уж выбежал за стадион, можно пешком идти, а ты все равно трусцой куда-то спешишь, боясь спросить себя: куда это ты так разлетелся?

Все думал — вот выйду, к-как сяду за стол, как пойду писать что-нибудь стариковски неторопливое, умное, независимое... Куда там! Завален пустяками вздорных заказов более прежнего. А властной воли Конецкого послать всех — нету; посылаю в душе, а сам только киваю: да-да, спасибо, постараюсь. Вот и ничего тогда про о мою юность и о мою свежесть, да ведь оправдаться хочется. Какой русский человек без постоянного оправдывания? Только нас и хватает — одной рукой оправдываться, другой — о величии твердить.

Было в конце года утешение. Один добрый состоятельный человек свозил меня в Турцию, и я побывал во всех городах Апокалипсиса, в великом Пергаме, чей Акрополь и сейчас величавее афинского, и в Эфесе, где Гераклит учил нас не входить в одну воду дважды и намекал, что все течет и изменяется (это в неподвижной-то Греции), и где бедный Герострат палил храм Артемиды и в сполохах пожара орал свое имя, чтобы получше запомнили. Был и в Никее, где ковался наш «символ веры» и где Константин Великий, к смущению отцов первого собора, читал им эклоги Вергилия (во всяком случае, это утверждает очевидец этого события, как и многих других, — С. С. Аверинцев). И конечно, в Константинополе, в Св. Софии, из которой вышел, как из храма Христа Спасителя, через сто лет (напыщенно, мертво, пустынно, напрочь выметено бодрым и занудным исламом). А еще видел всякие олимпысы и Иераполисы и сделал только один вывод — что Бог гордым противится. Эти греческие, римские, византийские руины, слившиеся в одно мертвое тело и затягиваемые терновником и пылью, луч-

ше всего учат, что мечты об империи пора оставить, что все империи кончают одинаково и жива и крепка одна целесообразная бедность при свете здорового духа. Конечно, в ножки им надо поклониться за такие уроки и такие прекрасные «наглядные пособия», но идти уже не в скучный «перед», ибо никакого «переда», как выясняется, у истории нет и все кончается только продуктовым и промтоварным прилавком от океана до океана, а вверх... Ну да как же оторвешь нас от прилавка, тем более что мы — у него (у такого!) впервые за свою историю!

Эхма! Выходите скорее, сядем на завалинку и помоем кости этому дурацкому человечеству!

Поклон Тане.

Ваш В. Курбатов

Псков. 19 мая 2001

(Вспомнил, вспомнил — что за день! Насилу вспомнил — Всесоюзный день пионерии — как быстро мы забываем свою мифологию.)

Дорогой Виктор Викторович!

Так я, видно, и не доеду до Петербурга. И чего бы, кажется? А вот нет. Город делается все дальше и дальше — уж не то что в Москву, в Турцию легче слетать.

А скучаю искренне и серьезно.

И Петрович вон у нас как ни крепок, а стал сдавать.

Мне бы надо съездить — благо он давно придумал семинар и позвал меня поучить прозаиков. Только какой я им учитель, даже молодым? Это уж пусть Кураев их берет в оборот. Тем более нынче от матушки-Европы и батюшки-телевизора они все больше сорокинской и вкерофеевой крови и больше по части «низа» (как говорил деликатный Бахтин) специализируются.

Да и много всего сошлось на одни и те же дни. Я поеду на кинофестиваль «Золотой витязь» — в Тамбов, заодно

погляжу, так ли все хороша тамошня казначейша и так же ли серы волки. Дело в том, что я уже на нескольких фестивалях пытаюсь вести «круглые столы», где могли бы разговаривать католики и православные (фестиваль-то православных и славянских народов, а тут и поляки-католики, и чехи). С годами все яснее понимаешь, что мир не потеряет рассудок только с матушкой-церковью, и церковью единой. А иначе, коли сама не спятит, товарищи мусульмане научат уму-разуму. Видите — в геополитики пошел, а с виду никак не скажешь.

Заодно хочу показать свой небольшой фильм о гибели шестой роты псковских десантников, снятый, когда их привозили в Псков, потом на сороковинах и годовщине. А то мы что-то стали вполуха слушать новости из Чечни и легко перемахиваем душой через «погибли, погибли, погибли...».

Вы-то здоровы ли? Не молодым, конечно, здоровьем, а чтобы хоть немного работать, потому что ничего у нас, кроме слова, нет.

С неизменной любовью к Вам.

Ваш В. Курбатов

Поклон Тане.

Псков. 18 июля 2001. 10 ч. 28 мин.

Люди, на марсы! Ступай на реи!

Сваливай паруса с марсов!

Люди, на низ!

Отдай марсель и крьюсель, гитовы и булины, растягивай марса-шкоты! Тяни до места!

Подымай марса-реи! Вытягивай топенанты!

Ставь паруса на бейдевинд!

Ах, Виктор Викторович! Где та малая лужица меж Куршской косой и Латвией, где я сдавал Вам судовождение и учился отличать «правое» от «левого»? Где оно, это прекрасное море, которое специально для нас позаботи-

лось о волнении и штормовом предупреждении? И волна старалась и долетала до моста, чтобы мы могли быть счастливы. Жизнь заботилась о чистоте сюжета.

Сегодня у Борхеса прочитал: «В прошлом любое начинание завершалось удачей... теперь мы так бедны отвагой и верой, что видим в счастливом конце лишь грубо сфабрикованное потворство массовым вкусам».

И ведь правда, правда! Жизнь стала бедна счастливыми концами именно из-за утраты отваги и веры, из-за того, что мы трусливы и стыдимся радости, в которой человек не так «эффектен», как в демонической печали.

А я сделался кулак и землевладелец. Один добрый молодой писатель взял и подарил мне дачу — шесть соток земли и домик, который крепок и ладен. Все это было брошено семь лет назад из-за какой-то череды несчастий. И вот я сижу у открытого окна с видом на «сад», — несколько яблонь, старых, как секвойи, с голыми стволами и в небесах шумящей кроной. Батистовые капустницы кружат над ситцевыми картофельными цветами, слепни прошивают пространство в поисках сладкой человеческой плоти. Наверно, они знают, что общая масса насекомых на земле превышает всю остальную животную массу, включая и рыб, и садятся на человека как на собственность — зло и прямо.

Я понемногу перестаю читать современные книги, потому что постепенно догадываюсь, что искал тайны мира не там. И охотно соглашаюсь с тем же Борхесом, писавшим: «Мне известен край, где библиотекари отказались от суеверной и напрасной привычки искать в книгах смысл, считая, что это все равно что искать его в снах или беспорядочных линиях руки...»

Лучше переведу я свои дневники и, может быть, выпишу из них те живые страницы, в которых говорили обо всем на свете Б. Можяев и Ю. Нагибин, В. Берестов и Арс. Тарковский, и это будет умнее и их книг, и моего умствования. Ведь зачем-то я эти дневники писал.

Рекрутам лазить через салинг!
Подвахтенным скоблить навесной кубрик!
Поклон Тане.

Ваш В. Курбатов

Город Санкт-Петербург
2 августа 2001. 18 ч. 45 мин.

«Люди на марсе...»

До этого момента тебе еще предстоит дожить...

Сколько ты принял, когда мне писал это вполне дурацкое письмо?..

Вот бы мне кто-нибудь взял бы и подарил 6 соток Земли и домишко.

И вот представляю я себя сидящим напротив нескольких яблонь — «старых, как секвойи, голыми стволами в небеса...»

Теперь серьезно. Отписал бы ты мне о своей будущей книге.

Ты дальше пишешь, что «жизнь столь бедна счастливыми концами именно из-за утраты отваги и веры, из-за того, что мы трусливы и стыдимся радости».

Я только что вышел из госпиталя, где айболиты установили у меня сто одну и еще одну болезнь. Но, как наш Господь, установили мне пятилетний срок пребывания на этом свете. Очень символично, что срок пятилетний...

Что это тебя так потянуло на салинг? Не торопись туда, там ветер намного сильнее, чем внизу.

Дорогой господин Курбатов, мы с тобой давно родственники. Учти, что печатает сейчас это письмо моя жена Таня, ибо написать письмо я уже не в силах, хотя вдруг потянуло на живопись. После госпиталя только и делаю, что малюю картинки.

Всегда твой Виктор Конецкий

БЕСЕДА С БОРИСОМ НИКОЛЬСКИМ¹

В 1987 году в «Неве» была напечатана повесть Виктора Конецкого «Никто пути пройденного у нас не отберет...». Это была первая — после двадцатипятилетнего перерыва — публикация Конецкого на страницах «Невы». О причинах столь долгого взаимного отчуждения писателя и журнала речь пойдет чуть позже. Начиная же с 87-го года, проза Виктора Конецкого стала постоянно появляться в «Неве» — практически все написанное им за последние годы жизни публиковалось в нашем журнале. Одно время Виктор Викторович был членом редколлегии «Невы», и тогда на его имя очень часто приходили толстые бандероли, пухлые почтовые конверты — с рассказами-исповедями, с изложенными на тетрадных страницах жизненными историями, со своими впечатлениями от прочитанных его книг, — Виктор Конецкий принадлежал к тому редкому типу писателей, кто вызывает абсолютное читательское доверие. Подобным же доверием у читателей на моей памяти пользовался лишь Федор Абрамов. Виктора Конецкого я знал давно, еще со времен нашей литературной молодости, нас с ним связывали если не дружеские, то по меньшей мере товарищеские отношения — нам было

¹ Никольский Борис Николаевич (р. 1931) — писатель, с 1984 года возглавляет журнал «Нева», в 1989—1991 годах был народным депутатом СССР; автор книг «Как узнать человека» (1968), «Воскрешение из мертвых» (1990), «Кремлевские миражи» (2001) и др.